

**Чистота крови —
чистота помыслов**

Песнь Сорокопута

Песнь Сорокопута.
Ренессанс

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ
СОРОКОПУТА
РЕНЕССАНС

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрация на переплете *Дарьи Дмитриевой (Markass)*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Кристины Деминой*

Кель, Фрэнсис.
К34 Песнь Сорокопута. Ренессанс / Фрэнсис Кель. —
Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-164581-6

Вся жизнь Готье была ложью, с которой он теперь не собирается мириться.

Джером больше не согласен оставаться в тени и плыть по течению.

И только Скэриэл по-прежнему хладнокровно преследует свои цели, идет по головам, сметая все на своем пути.

Чистокровным, полукровкам и низшим стало слишком тесно в Октавии.

Грядут большие перемены.

Грядет Ренессанс.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164581-6

© Кель Ф., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

I

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике по истории не значилось это имя. Мне пришлось перерыть все полки в секторе «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... — сколько там ещё этих «пра-», не счесть — дедушку. Вероятно, второе имя в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не утвердил, войн не вёл, и так уж выходило, что мы его пропускали на занятиях.

Я так увлёкся поисками, что кто-то из учеников пожаловался на меня из-за чрезмерного шума, недопустимого в стенах библиотеки лица. Само собой, мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее я узнал, что моя прежняя жизнь была самым настоящим фарсом, слова сердитой работницы библиотеки показались мне всплеском воды посреди мощного шторма.

Я извинился, пообещав быть тише; только сейчас я осознал, как странно выгляжу. У нас не было никаких важных заданий по истории, поэтому мои хаотичные поиски в отделе с династией Бёрко могли показаться

кому-то подозрительными. Я устало опустился на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда последний наследник, сын Лукяна Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмьер, Оскар и мистер Вотермил. Это те люди, которые точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённно должно быть больше.

Теперь вопрос в другом. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам обществознания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, делится на партии, его члены голосуют за или против законов. На этом мои познания заканчивались. Совет старейшин появился после падения империи. Если я — это всё ещё не укладывалось в голове — ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет старейшин может потерять былую власть. Что, если Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал, что являюсь принцем, и тем самым не сверг существующий политический аппарат? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили остальных членов семьи Бёрко, либо убрать с дороги, когда мне исполнилось два или три года, например утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне уже стукнуло шестнадцать, а я всё ещё жив, значит, ему нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом только благодаря тому, что подслушал чужой разговор. Я мог всю жизнь считать,

что меня зовут Готье Хитклиф. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё то, что стоило донести до родителей, обязательно было донесено. И то, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше положенного — уверен, отцу доложили и об этом. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. Я рванул сегодня в библиотеку, как только прозвенел звонок на большую перемену, бежал, перепрыгивая через ступеньки, и чуть не сшиб младшеклассника в дверях.

В общей какофонии я различал перешёптывания, кто-то спереди готовился к зарубежной литературе, перелистывал страницы, сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое уравнение, скрипел стул, слышались звуки пишущих ручек, шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепки. Но, подумав, осознал, что таким поведением дам понять отцу, что со мной что-то произошло, — конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал, что я наследник императорской династии, и рыщу в поисках информации о потерянной семье.

И я не знал, говорит это во мне здравый смысл или паранойя.

Что если я сознаюсь отцу и брату в том, что знаю правду? Каковы будут их дальнейшие действия? Попытается ли кто-нибудь из них избавиться от меня? Ведь как принц я могу распустить Совет старейшин. С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Подавить восстание смог только Совет старейшин. Получается, я — единственная угроза для нынешней власти.

Всё, что известно о смерти императорской семьи, это то, что когда стража ворвалась в разгромленный дворец, то увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северина Бёрко вместе с детьми была застрелена в восточном дворце.

У меня не было к ним родственных чувств, я не знал никого лично, а в моей голове они до сих пор оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я чёрствый сухарь, не способный сопереживать. Они моя семья, но я не испытывал по отношению к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усую за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как работница библиотеки то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг — войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии Бёрко» теперь соседствовала с биографиями Аристотеля и Платона.

— Ты целенаправленно пытаешься запихнуть «Взлёты и падения Лукиана Бёрко» в один ряд с военными реформами восемнадцатого века? — внезапно раздался позади меня насмешливый голос, да так, что я чуть было не выронил три книги, которые пытался удержать в одной руке, пока второй безуспешно тыкался в плотный книжный ряд.

Не знаю, по какому случаю Оливер решил посетить библиотеку, но мне совсем не хотелось сейчас объяснять стопки книг на столе. Ему точно не соврёшь о том, что задано по истории.

— Мгм, — неопределённо промычал я, пойманный на месте преступления, повернулся и столкнулся с Оливером взглядами. — Не заметил, куда ставил.

— А-а-а, — с долей разочарования протянул он. — А я уже было подумал, что ты специально приходишь в библиотеку, чтобы перемешивать книги в разных секторах.

Я не мог понять, шутит он или говорит серьёзно. Может, Оливер сам любитель время от времени устроить бардак в библиотеке. Возможно, из-за таких вот шалостей старенькая работница всё время на взводе.

— Что читал? — Он с интересом пробежал взглядом по корешкам книг. — Биография Бёрко?

— Да так... — неуверенно начал я, пытаюсь придумать убедительную причину. — Поспорил со Скэриэлом насчёт императора...

— Да? И о чём же? — не унимался Оливер.

Я точно знал, что он видит мои жалкие попытки оправдаться и с нескрываемым удовольствием следит за тем, как я буду выкручиваться, застигнутый врасплох. Зря я упомянул Скэриэла, ведь Оливеру он нравится. Они даже успели поцеловаться! Я чуть было не дал себе по лбу. Надо было что-то ляпнуть про Габриэлла или ещё кого, в ком он совсем не заинтересован.

— Ну... Я вот считаю, что Лукиан Бёрко в свободное время любил вязать шарфы.

Оливер посмотрел на меня так, словно я испортил воздух. Лучше бы промолчал, честное слово. Я видел, как он переосмысливал своё дружелюбное отношение ко мне. Кажется, я стремительно скатился в его глазах на самое дно и таким образом скоро окажусь в одном ряду с Мартином и Кливом.

— Точнее, ищущая, вязала ли Северина Бёрко, — исправился я на ходу, вспомнив, как мама однажды подарила мне шарф.

Со стороны раздалось раздражённое шиканье, напоминающее о том, что мы в библиотеке. Понизив голос, Оливер спросил:

— И как?

— Что как?

— Вязала ли Северина Бёрко? — посмеялся он.

— В книгах об этом ни слова... — Я запихнул оставшиеся тома на полку и вернулся за стол.

— Тогда поищи в интернете, — с улыбкой посоветовал Оливер, присаживаясь рядом. До этого он держал руки в карманах, теперь я увидел, что его правая ладонь аккуратно перевязана бинтом.

— Вся информация об императорах проходит цензуру. — Я убрал тетрадь в рюкзак. На языке так и вертелся вопрос о забинтованной руке.

— Но ты же не взрывчатку собираешь, — хмыкнул он. — Хотя если что-то личное ищешь, то воспользуйся VPN.

Почему мне это не приходило в голову? В Октавии интернет контролируется, новости фильтруются, большинство зарубежных сайтов блокируется, но есть аналоги, вполне позволяющие жить комфортно. Я никогда прежде

не задумывался о том, чтобы установить VPN, но, с другой стороны, и поиском запрещённых тем тоже не занимался.

— А ты пользовался?

Оливер подпёр подбородок кулаком, удивлённо приподнял правую бровь и глянул на меня, словно мы говорили о прописных истинах, которые только мне одному неизвестны.

— Постоянно сижу с VPN.

Я зачем-то медленно кивнул. Оливер хмыкнул, опёрся на спинку стула, разглядывая меня.

— Я так порно ищу, — добавил он мимоходом.

Вот это, конечно, тема для обсуждения. Я замолчал, уткнувшись в сцепленные перед собой ладони.

Оливер пощёлкал пальцами перед моим носом.

— Эй, Хитклиф, — прыснул он со смеха. — Не заморачивайся.

— Ты что-то хотел найти в библиотеке? — решил я сменить тему. До конца перемены оставалось не больше десяти минут.

— Тебя.

— Зачем?

Тут он стусевался, мигом растеряв остатки бывшего лоска. Спрятал руки под стол, придвинулся ближе, словно собираясь поделиться со мной какой-то тайной. Нервно обвёл взглядом остальных в зале, затем неуверенно вернулся ко мне. Смотрел он при этом мне в район ключиц.

— У тебя, случайно, нет номера телефона Бернарда?

— Прости, но нет. Да никогда и не было. — Подавшись к Оливеру, я тоже понизил голос.

С Бернардом я виделся, только когда собирались папины друзья. Его отец владел больницей, был прекрасным врачом. Я не мог представить, как у Оливера, того самого, что на встречах стоял с сестрой в сторонке

и практически ни с кем не общался, и шумного Бернарда, болтавшего с гостями в центре зала, могло быть что-то общее. Хотя, должен признать, я мог ошибаться. Раньше я считал, что у Скэриэла и Леона нет ничего общего, пока Скэр не удивил познаниями в балете.

— Жаль, — разочарованно сказал Оливер. — Ты просто часто с ним зависал, когда мы семьями собирались.

— Ага, но номерами не обменивались и за пределами этих встреч не общались. Ты можешь спросить у Оскара, они соседи.

— С Оскаром я совсем не знаком. Только здороваемся, и всё. — Оливер окончательно раскис.

— У меня есть номер телефона Оскара... — начал было я и замолчал.

Вчера я принял жёсткое решение вычеркнуть его из своей жизни, а теперь вот заикнулся перед Оливером.

— Ты можешь его попросить достать номер Бернарда? — Приблизившись, Оливер приподнялся на локтях.

— Не знаю... — замялся я, отодвигаясь и соображая, за что ухватиться, как вывернуться. — Мы с ним тоже не близки. Гедеон с Оскаром в ссоре, и, если я буду общаться с ним, мне влетит, — честно признался я под конец.

— Понимаю, — протянул он, хотя мне казалось, что ни черта не понимает.

— Прости за нескромный вопрос, а зачем тебе номер Бернарда?

— У меня был его номер, но, представляешь, я утопил телефон! Я хотел у Бернарда спросить про латынь в академии. Что именно они проходят, какой преподаватель. Слышал, что он хорош в латыни.

Не знаю, врал ли Оливер или нет, но звучало достаточно убедительно. Я слышал о том, что Бернард изуча-

ет латынь, да он и сам рассказывал смешные истории с занятий.

— А с рукой что? — Я указал на бинты.

Оливер с непониманием посмотрел на меня, затем на свою правую ладонь, словно только сейчас о ней вспомнил.

— Да пустяки, — отмахнулся он. — Ночью проголодался и хотел приготовить сэндвичи с сыром. Как видишь, повар из меня бестолковый.

— Нарезал сыр в темноте, что ли? — Настал мой черёд шутить.

— Что? — Казалось, что мысли Оливера далеко отсюда. — А, нет. Просто нож соскочил.

— А у Леона спрашивал про номер Бернарда?

— Леон? Они общаются? — Глаза у Брума округлились.

— Мне кажется, да.

«Точно общаются», — подумал я, вспоминая, что Бернард — обладатель дружелюбного характера и мастер весёлых историй, при этом любящий потрепаться не по делу и перемыть другим косточки. Именно он рассказал Леону про драку между Гедеоном и Оскаром, так ещё и что-то там вякал про Скэриэла.

«Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка», — сказал тогда Леон.

— Вот вы где! — торжественно раздалось сбоку, а следом — агрессивное шиканье от наших ближайших соседей. Мы с Оливером вздрогнули и повернулись.

Лаванда Фло, наша староста, заведовавшая организационными вопросами в лицее, стояла напротив стола с папкой в руках. Оливер мигом отодвинулся, словно само её присутствие было ему неприятно. Я вспомнил, как он однажды у меня дома так отреагировал на Лору. Тогда он ещё умудрился скорчить гримасу, но в этот раз

сдержался. У меня закрались подозрения, что Оливер на дух не переносит девушек.

— Вы мне и нужны, — не дожидаясь приветствия, деловито объявила Лаванда, чуть понизив голос. — Мы в общем чате решили устроить дополнительные занятия по танцам для тех, кто плох в вальсе.

— Общий чат?

— Вальс?

— Да, дорогие мои, — с укором подтвердила Лаванда. — Вы оба вышли из чата ещё в начале года. А мы там, между прочим, важные дела обсуждаем.

— Точно, — прыснул Оливер. — Да я сразу вышел, как увидел десятки сообщений «Приветтики!» и «Как прошло ваше лето?». У меня еле хватает терпения видеть вас по полдня в лице, боже упаси ещё читать эти сообщения сутки напролёт.

Выглядел он при этом очень довольным собой. Лаванда вся напряглась; я был готов к тому, что она сейчас его треснет папкой.

— Я не выходил, — в тон Лаванде произнёс я, — просто отключил оповещения, а то вы там до двух ночи мемы с котятками кидали.

Оливер положил ногу на ногу и ритмично покачивал ступнёй. Смотрел он на Лаванду, словно она устроила целое представление.

— Не важно, — отрезала она, пытаясь сдержаться и не высказать пару ласковых. — Мы будем танцевать вальс на выпускном. Вас записывать на дополнительные занятия?

— До выпускного ещё полгода! — повысил голос Оливер. Я глянул на работницу библиотеки, та грозно уставилась на нас в ответ.

— Ой, кто это тут у нас возмущается, неужели гуру организации? — Прищурившись, Лаванда сложила руку козырьком у лба, словно высматривала кого-то по сторонам, затем пренебрежительно глянула на Оливера. — Вот если бы ты занимался организационными моментами, то знал бы, что всегда нужно готовиться заранее, а это значит, собрать желающих, — она принялась загибать пальцы, перечисляя, — найти преподавателя, помещение, обговорить расписание, оплатить занятия...

— Понял, каюсь. — Оливер театрально поклонился ей. — Пять ударов плетью мне по спине, и конфликт решён.

— Обойдёмся без кровопролития. Так что с занятия-ми? Вас записывать? Как у вас с вальсом?

— Обязательно танцевать? — спросил я.

— Да! Ты хоть понимаешь, что это наш выпускной и там мы...

— Стоп, стоп, стоп. — Оливер примирительно выставил руки вперёд. — Мы всё поняли. — Положив руку на грудь, он с чувством произнёс: — Выпускной — дело всей жизни. — И, обращаясь ко мне, драматично изрёк: — Как мы могли это забыть?

Не сдержавшись, я прыснул от смеха. Лаванда вспыхнула гневом. То, с каким рвением она бралась за дело и как верила в то, чем занимается, было прямо противоположно тому, с каким пренебрежением относился ко всему происходящему Оливер. Вдобавок я ещё посмеялся над шутками Брума в её присутствии. Думаю, для таких, как я и Оливер, в аду припасён отдельный котёл.

— Нет, мы не будем ходить на дополнительные занятия, — подытожил Оливер, вальяжно развалившись на стуле.